

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ «НОВИЗНЫ» ДИСКУРСА «НОВОЙ ВОЙНЫ»: «ИННОВАЦИИ» И ТРАДИЦИЯ

Л. Л. Ломако¹, К. Г. Мальцев²

Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова, Белгород, Россия

¹e-mail: parmenid@bk.ru

²e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Аннотация. «Трансформация войны» и связанная с этим необходимость понятийно «закрепить» переход от понятия «старой войны» в концепте «новой войны» обуславливает актуальность обсуждения возникающих с этим переходом методологических вопросов, относящихся к правилам конструирования нового понятия, то есть философского анализа. Цель исследования – выявление необходимых различий между классическим понятием войны (К. Клаузевиц) и дискурсом «новой войны». Методология исследования определяется в горизонте «понятия политического» (как нередуцируемого решения суверена относительно экзистенциального противопоставления «друг – враг») и идеи суверена (К. Шмитт) как «принимającego решение о чрезвычайном положении», конститутивных для сущностного понимания войны как «политического феномена». На основе последовательного различения «понятия» и «дискурса» в статье рассматриваются основные современные способы рассуждения о «новизне» «новых войн» («новая война» М. Калдор, «гибридная война» Ф. Хоффман, «вырожденная война» М. Шоу, «трансформация войны» М. Кревельда), выявляются существенные для конструирования понятия «новой войны» концептуальные рамки. Впервые делается вывод, что кризис суверенитета новейших государств-наций предполагает поиск нового «конститутива» для понятия «новой войны»; имперский суверенитет и имперская легитимность, теоретически единственно способные выполнить названную функцию, в силу рассмотренных в статье причин, фактически не способны «снять» «проблему» суверенитета наций-государств. В статье рассмотрены основные подходы к определению способов формирования «имперского политического пространства»; определяется, что глобализация предполагает «сингулярность» и «универсальность» имперского порядка (Г. Мюнклер), выявляются причины его «недействительности»; теория «больших политических пространств – империй», сохраняющая «суверенитет», пригодна для использования в теоретическом конструировании изменяющегося «мирового политического порядка». Практическое значение вывода о необходимости последовательного различения и удержания различия понятия «старой войны» и «приватных дискурсов» «новой войны» прежде всего сводится к необходимости сохранить «понятие политического» от произвольных «редукций», совершающихся в дискурсах «новой войны», оправдывающих применение «глобальными игроками» силы в своих интересах.

Ключевые слова: война, «новая война», суверен, империя, «политическое пространство», «радикальная понятийность», «понятие политического», дискурс.

Для цитирования: Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Несколько замечаний по поводу «новизны» дискурса «новой войны»: «инновации» и традиция // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 4. – С. 70–80. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-4-70.

A FEW COMMENTS ON THE «NOVELTY» OF THE «NEW WAR» DISCOURSE: «INNOVATION» AND TRADITION

L. L. Lomako¹, K. G. Maltsev²

Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russia

¹e-mail: parmenid@bk.ru

²e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Abstract. The «transformation of war» and the related need to conceptually «fix» the transition from the concept of «old war» in the concept of «new war» determines the relevance of discussing the methodological issues arising from this transition, related to the rules of constructing a new concept, that is, philosophical analysis. The purpose of the research is to identify the necessary differences between the classical concept of war (K. Clausewitz) and the discourse of the «new war». The research methodology is defined in the horizon of the «concept of the political» (as an irreducible decision of the sovereign regarding the existential opposition «friend-enemy»)

and the idea of the sovereign (K. Schmitt) as «making a decision on a state of emergency», constitutive for the essential understanding of war as a «political phenomenon». Based on a consistent distinction between «concept» and «discourse», the article considers the main modern ways of reasoning about the «novelty» of «new wars» («new war» by M. Kaldor, «hybrid war» by F. Hoffman, «degenerate war» by M. Shaw, «transformation of war» by M. Kaldor). Creveld), reveals the essential conceptual framework for the construction of the concept of «new war». For the first time, it is concluded that the crisis of sovereignty of the new European States-Nations involves the search for a new «constitutive» for the concept of «new war»; Imperial sovereignty and Imperial legitimacy, theoretically the only ones able to perform this function, due to the reasons discussed in the article, are actually unable to «remove» the «problem» of the sovereignty of Nations-States. The article considers the main approaches to determining the ways of forming the «Imperial political space»; determined that globalization implies a «singularity» and «universality» Imperial order (G. Moncler), identifies the causes of his «non-reality»; the theory of «greater political space empires», preserving the «sovereignty» suitable for use in theoretical design the changing «world political order». The practical significance of the conclusion about the necessity of consistent distinction and hold the distinction of the concept of «old wars» and «private discourse» of the «new war» first and foremost is the need to preserve the «political concept» arbitrary «reductions» done in the discourses of the «new war» justifying application of the «global players» forces to their advantage.

Key words: war, «new war», sovereign, Empire, «political space», «radical conceptuality», «concept of the political», discourse.

Cite as: Lomako, L. L., Maltsev, K. G. (2020) [A few comments on the «novelty» of the «new war» discourse: «innovation» and tradition]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 70–80. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-4-70.

Постановка проблемы

Теория представляет собой связность (дедуктивную, – Э. Гуссерль [9, § 19; с. 107]) гомогенизированных (по основанию недопущения «перехода в другой род») суждений и понятий. Дискурс, в отличие от теории, может состоять из «разнородных» суждений, жестов, восклицаний, собственных имен. Понятие «старой войны» (определение «старый» в отношении понятия о войне в К. Клаузевица, введено М. Калдор), например, у Клаузевица [12], который имеет в этом отношении «образец» в Г. В. Ф. Гегеле (и неоднократно на него ссылается) в этом смысле «противостоит» дискурсу «новой войны», понятия которой *нет*. Понятия общезначимы (по словам М. Вебера [4]: «и для китайца»); дискурсы «приватны», но претендуют на «общезначимость» тогда, когда поддерживаются *силой*. Дискурс парадоксальным образом, *нагляден*. Лозунг «близости реальности, фактам» порождает *дискурсы*, и никогда – понятия. Понятия и дискурсы различным образом «упорядочивают» действительность: порядок дискурса есть порядок идеологии (нарратива), его «смысл» неотделим от «ценностных предпочтений» «хозяйина дискурса», что редко «выставляется на вид» и чаще всего «скрывается» за более или менее патетической риторикой; дискурс удерживает единство *нафосом*, лозунгом и таким образом «воздействует». Понятие «старой войны» открывает возможность «права войны», то есть возможность права для войны; дискурс «новой войны» лозунгами и апелляциями к «ценностям» скрывает *силу* сильного; «старая война» знает «законного врага», «новая война» знает только «преступников» и «террористов» и *никогда* – «законного врага». Поэтому «старая

война» заканчивается миром; «новая война» *перманентна*, крайне редко прерывается *умиротворениями* посредством интервенций от имени «мирового порядка» и «общечеловеческих ценностей» (как правило, если сила прикрыта «либеральной идеологией» и приватизировала ее риторику). Наконец, дискурс всегда «инновационен»; понятия – вне области, которую хоть как-то может затронуть то, что называется «инновацией».

Задачи. В настоящей статье ставится задача реконструировать в существенных чертах «основания» понятийности понятия «старой войны» и продемонстрировать невозможность понятия «новой войны»; в этой связи – выявить существенные элементы дискурса «новой войны» и оценить «новизну» существенных элементов ее дискурса.

Методология. В основу методологии исследования положено понятие политического К. Шмитта, (экзистенциальное решение диспозиции «друг – враг» раскрывает «область политического» и является основанием «понятия политического») [28] и его понятие суверена (сувереном является тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении [27] и, следовательно, объявляет врагом). «Понятие понятия» (Гегель [6] и восходящая к нему традиция) служит выявлению способов формирования понятия «войны» у Клаузевица и определяет горизонт «размывания» «возможности понятия» для дискурса «новой войны».

Понятие войны

Конститутивом понятия войны является суверен. Война есть форма отношения между суверенами, которые автономны и свободны. Суверену принадлежит *решение* о «государственном интересе»,

о враге, и о «начале войны» (объявлении войны) в случае, когда этого требует его решение о государственном интересе. Партизанская война направлена против «чужого» (нелегитимного в этом политическом пространстве, объединяющем в общем территорию и население) суверена. Гражданская война имеет быть при «отсутствии легитимного суверена» в этом политическом пространстве, есть спор (полюмос) о суверенитете. Война может быть *одновременно* партизанской и гражданской. «Вмешательство извне» в гражданскую войну имеет место *всегда*, но этот «факт» нерелевантен для понятия; почти всегда вмешательство (на какой-либо стороне, это тоже неважно) извне случается и в партизанской войне; признание «повстанцев» «стороной конфликта» со стороны другого суверена (в том случае, если у него есть «действительная сила» влиять на ход войны прежде всего) делает партизанскую войну гражданской войной. Основное отличие от межгосударственной войны суверенов партизанской и/или гражданской войны – «элиминирование» из понятия «законного врага», возможно, что как факт (основанный на «международном признании»), он «сохраняется» на основании «договора». «Международное право» (без дальнейших различий на межгосударственное, собственно международное, или, например, европейское, основанное, как показал Шмитт [26], на признании единства Европы и т.д.) есть соглашение суверенов, во-первых, закрепляющее данное «отношение сил и интересов», во-вторых, определяющее «правила» для тех, кто входит в «сообщество суверенов», основанное на их общем согласии; отношения между ними имеют «естественный характер» ничем не ограниченной свободы (Т. Гоббс [8]), а значит – войны. «Вечный мир» [11] возможен как *процесс*, когда военный способ «решения вопросов» становится неприемлем (все равно по каким причинам); он не является разновидностью «общественного договора», так как не означает отказа от суверенных прав; как принцип, «вечный мир» есть принцип имперского порядка. Наконец, суверен – всегда «лицо», даже в том специфическом случае, когда суверенитет больше не принадлежит монарху, но господствовать начинает идея «народного суверенитета» и территориального государства-нации (каким образом в этом случае работает введенное Шмиттом понятие суверена [27] – предмет конкретных исследований каждого случая). Утверждение Х. Арндт [2] о том, что Американская конституция «не знает»/отказалась от идеи суверенитета (которую она возводит к европейской традиции теологического мышления и к идее абсолюта), не подтверждено до тех пор, пока основанное на американской конституции государство не будет поставлено в ситуацию «экзистенциального решения» (до настоящего времени этого еще не было;

Гражданская война не является таким случаем по определению гражданской войны). Все остальные вопросы: характер военных действий, техническая или технико-экономическая «ситуация» и «оснащение», интенсивность насилия и т.п. – вопросы, не относящиеся к «понятию войны», но – к специальным «дисциплинам», что нисколько не значит, что они вообще «не важны». И последнее. Понятие суверена универсально в том смысле, что не зависит от «*обстоятельств места*»; дополнительно следует специально указать, что Шмитт [26] подчеркивает особенность формирования «современного мирового порядка» как «распространение» европейских форм на весь мир, что подкрепляет утверждение об универсальности понятия суверена. Понятие суверенитета универсально «во времени»; то обстоятельство, что современную форму оно получило в исторически определенное время: сформулировано Ж. Боденом [31] в «период религиозных войн» и озаменовало в Европе период формирования централизованного государства, не «релевантно»; греки и римляне последовательно различали «цивилизованных» и «варваров» (римляне имели практику «конструировать» «законного врага» в случаях, когда это было возможно), «разделенный суверенитет» средневековой Европы и «династический суверенитет», суверенитет в империи (и слова французского короля, что он является «императором в своем королевстве») и т.д. – подтверждают, а не опровергают сказанное. Вопрос о «контроле» (шайки наемников, кондотьеры, и т.п.) и способы контроля (следуя М. Фуко [22, 23], прежде всего – в его истории становления «биополитики» и описанию форм контроля, предшествующих ей) нисколько не относится к «понятию», но есть «факты». Наконец, понятие может быть представлено как «идеальный тип» (М. Вебер [5]), что снимает *все* «фактические претензии» к его универсальности. Вывод: понятие войны возможно лишь «в горизонте» понятия суверена; понятие войны аналитически выводится из понятия суверена.

Данная «формальная схема» нуждается в указании на конкретный способ ее «понятийной реализации». Здесь возникает необходимость обратиться к работе Клаузевица [12] «О войне». «Понятием войны» у Клаузевица является его «абсолютная война». Мы находим у Клаузевица следующие определения. Во-первых, война есть «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [12, с. 1]. Во-вторых, понимание войны как средства «продолжения политики», рационального инструмента преследования государственного интереса. М. Калдор [10], анализируя понятие войны Клаузевица, пишет: «Лучше всего интерпретировать абсолютную войну как гегельянское абстрактное или идеальное понятие, это внутреннее стремление войны, которое может быть

выведено из логики трех разных стремлений. Оно имеет собственное существование, которое состоит с эмпирическими реалиями в отношении напряженности» [10, с. 68]. Эти три стремления: во-первых, государство стремится реализовать свои цели («государственный интерес»); во-вторых, чтобы это выполнить, нужно разоружить противника до неспособности им вести войну дальше; в-третьих, для достижения названных двух целей, государство должно прибегнуть к мобилизации (во всех смыслах). Вопросы стратегии и тактики; «трения», препятствующие реализации названных целей; особые способы, зависящие от «обстоятельств времени и места» нас здесь не интересуют. Важным являются еще следующие указания Клаузевица: война предполагает «абсолютное насилие» и готовность его применить. И: разоружение противника может достигаться многими «законными способами»: территориальными приобретениями, наложением контрибуций, уничтожением государства-соперника и присоединением его территории и населения к победителю (в условиях Европейского равновесия последнее не допускалось другими его участниками). Важно другое: решение суверена ничем не ограничено, кроме силы других суверенов (и соглашений между ними); решающим в войне является именно *сила*. «Абсолютная война» Клаузевица как понятие «наиболее полным образом» реализовалось в «тотальных войнах» первой половины XX века (концепт «тотальной войны» «придуман» совсем не теми, кому он теперь почти единодушно «приписывается»).

После войны, мир, разделенный на соперничающие блоки государств, исключил войну из «средств достижения государственного интереса» не по моральным или гуманитарным, но по вполне *прагматическим* причинам: угроза «неприемлемых потерь» от ответного удара противника, постоянное снижение ценности «территорий», да мало ли было таких причин, которые перечисляются в специальной литературе. Нас интересует только «размывание понятия» «законной войны».

Конфликты не исчезли; войны на локальном уровне продолжали вестись – но «под надзором» сверхдержав (и даже вполне «суверенные» европейские государства испытали на себе власть ограничений: суэцкий кризис 1956 года, прекращенный совместными усилиями США и СССР более чем ясно показал то «новое место», которое теперь занимают даже «ядерные» и «первостепенные» Англия и Франция). Война была «законной» лишь до тех пор, пока «разрешалась» (допускалась, не могла быть предотвращена) двумя сверхдержавами; первый, может быть, «сигнал» кризиса идеи и практики суверенитета территориального государства-нации.

Актуальность понятийного осмысления партизанских и гражданских войн относится именно

к этому времени. Первым следует указать на сочинение Р. Арона [3] «Мир и война между народами», в связи с его его теоретическими и «экзистенциальными» недоумениями, вызванными Алжирской войной: США, союзник Франции, поддержала и тем самым легитимизировала «повстанцев», которые сначала стали «законной стороной конфликта», а затем добились суверенитета для Алжира, который к тому времени *не был* колонией, но по Конституции был частью территории государства Франция. То есть, нарушение национального суверенитета и территориальной целостности европейского государства из «ядерного клуба», став «фактом» – продемонстрировало «недействительность» идеи суверенитета. Войны во Вьетнаме, Южной Америке, в Африке, когда «повстанцы» брали верх над регулярными армиями (при поддержке той или иной сверхдержавой), требовало осмысления, – но *не имели* такого значения для «размывания» понятия войны, как Суэцкий кризис или война в Алжире.

К этому же времени относится «теория партизана» К. Шмитта [30]. Его определение партизана включает четыре признака: иррегулярность, повышенная мобильность активного боя, интенсивная политическая вовлеченность, теллурическая природа, то есть привязанность к месту. Все признаки (кроме последнего, о котором предстоит говорить и изменение которого привело к «преобразованию» партизана в террориста) называются создателями дискуссии «новой войны» (как правило, без ссылки на Шмитта). Но главное не это; Шмитт утверждает, что «старых теорий партизана, в противоположность современным теориям, собственно, вообще не существует. В классическом военном праве прежнего европейского международного права партизану в современном смысле нет места. Он – как в «кабинетных войнах» XVIII в. – либо вид легкого, особо подвижного, но регулярного отряда, либо же он как особенно отвратительный преступник стоит просто вне права и является изгоем» [30, с. 20–21]. Далее Шмитт продолжает: «В контексте партизанства особенно важны и в известном смысле даже родственны с этим явлением два рода войны: гражданская война и колониальная война. Применительно к современному партизанству эта взаимосвязь прямо-таки специфична. Классическое европейское международное право вытесняло две эти опасные формы проявления войны и вражды на периферию. Война *jus publicum Europaeum* была межгосударственной войной, которую вела одна государственная регулярная армия против другой государственной регулярной армии. Открытая гражданская война считалась вооруженным восстанием, подавлявшимся с помощью осадного положения <Belagerungszustand> полицией и отрядами регу-

лярной армии, если дело не доходило до признания восставших в качестве воюющей партии. Колониальная война не ускользнула от внимания военной науки европейских стран – таких, как Англия, Франция и Испания. Но все это не ставило под сомнение регулярную войну государства как классическую модель» [30, с. 20–21]. Как видим, в условиях блокового противостояния (хотя это «случайно»: исторические обстоятельства в отношении «действительности понятия» случайны, но опять-таки не значит, что «не важны») и при «размывании» идеи суверенитета государства-нации (это сущностно) партизан получает «признание» в качестве «законной стороны конфликта» при определенных условиях: заинтересованности в этом сверхдержавы; но это «признание» всегда может быть «отозвано» и является не «правом», но «привилегией».

Наконец, Х. Арентс в работах «О революции» [2] и «О насилии» [1], также подчеркнув особенную «эффективность» партизанских действий против регулярной армии, в этих же книгах утверждает, что (мы уже упоминали об этом) Американская конституция, на которой построено государство США, не знает и не признает идеи суверенитета (это не оговаривалось Арентс, да она и не предвидела дальнейшего развития событий, но речь тогда могла идти только о суверенитете наций-государств).

Итак, «понятие войны» Клаузевица становится «не действительным» (но не *стало*) в силу «технического» изменения характера военных действий и прочих технико-технологических и экономических, и прочих, того же рода, причин, – но в силу того, что «пошатнулась идея суверенитета».

Дискурс «новой войны»

К числу известных (и переведенных) в России авторов этой новой «идеи» относятся М. Кревельд [13, 14], М. Калдор [10]; в определенном смысле – Г. Мюнклер [20, 21], Э. Люттвак [16] (мы не будем специально останавливаться на его понятии «стратегии»; отметим только, что им предполагается единство и тождественность *воли*, то есть суверен, в каком бы виде он не «являлся»: как вождь, монарх, «коллективное руководство», – но всегда *лично*); «особнячком» стоят авторы прославившейся в начале этого века книги «Империя» [24] и «Война и множество в эпоху империи» [25] М. Хардт и А. Негри. Этого списка вполне достаточно для того, чтобы выявить сущность называемого «новой войной».

В работах М. Кревельда приведено бесчисленное количество «подробностей», характеризующих новые способы ведения военных действий, подробнейшим образом анализируются вопросы «эффективности», представление о «новой войне» приобретает «наглядность», – но «концептуально» сказанное едва ли выходит за пределы того, что

понятно зафиксировано Шмиттом [30] как его «четыре признака» (с оговоренной нами поправкой на четвертый: партизан, как мы сказали, стал террористом вследствие того, что называется «глобализацией» и, затем, вследствие изменения технологий ведения войны: там, где Д. Буш (младший) говорил об «упреждающей обороне», в связи с Ираком, логично говорить и о «предвосхищающем возмездии» (в ответ), – за одним существенным исключением. Происходящая трансформация описывается в контексте «кризиса государства», то есть прежде всего его фактической неспособности обеспечить за собой «монополию вооруженного насилия», то есть суверенитет. Кстати, Кревельд, рассуждая о войнах античности, пишет о том, что греки не знали войн между государствами; полисные войны, например, велись не между Афинами и Спартой, но между афинянами и спартанцами. Однако, полагаем мы, «проблеск» имел место уже тогда: в войнах между греками и персами воевали, все-таки Греция и Персидская держава (которая никак не считалась «варварской»).

Кревельд – военный теоретик; поэтому при перечислении «признаков» новой войны мы последуем за М. Калдор (тем более, что это *та же* список), но с одним существенным дополнением: контекст «кризиса суверенного государства» «перекрывается» другим, «космополитическим проектом», в котором и происходит конструирование «политической программы» *умиротворения*. Итак, во-первых, «в новые войны вовлечены сети государственных и негосударственных участников, а основная масса насилия направлена против гражданского населения» [10, с. 20]. Во-вторых, «новые войны» нельзя смешивать с гражданскими или государственными; «это войны, в которых размыто различие между внутренним и внешним. Новые войны и глобальны, и локальны, и они отличаются как от классических межгосударственных, так и от классических гражданских войн» [10, с. 21]. В-третьих, «новые войны обусловлены слабостью государства, экстремистской политикой идентичности и международной преступностью» [10, с. 24]. М. Калдор так же высказывает предположение (оно высказывается всегда, когда речь идет о причинах «конфликтов», если автор близок к «либеральному консенсусу», то есть всем объяснениям предпочитает «экономическое»), что «существует опасность, что этот тип насилия будет распространяться по мере нарастания экономического кризиса в мире» [10, с. 24]. Калдор подчеркивает, что новые войны не охватываются никакими старыми «концептуальными рамками»: «В соответствующей литературе новые войны по большей части описаны как внутренние или гражданские войны или иначе как «конфликты низкой интенсивности». И все же, несмотря на то, что большинство этих войн носят локальный характер,

они включают в себя несчетное число транснациональных связей, отчего трудно удержать различие между внутренним и внешним, между агрессией (нападение из-за рубежа) и репрессией (атака изнутри страны) или даже между локальным и глобальным. Термин «конфликт низкой интенсивности» был придуман американскими военными в период холодной войны для описания партизанской войны или терроризма. Хотя и возможно проследить эволюцию новых войн от того, что во времена холодной войны называли конфликтами низкой интенсивности, все же у них есть отличительные характеристики, которые скрыты, в сущности, слишком общим термином. Некоторые авторы описывают новые войны как приватизированные или неформальные войны. Тем не менее, несмотря на то, что приватизация насилия – важный элемент этих войн, на практике нельзя с легкостью провести различие между публичным и частным, государственным и негосударственным, формальным и неформальным, сделанным по экономическим и сделанным по политическим мотивам. Более поздним понятием, используемым Ф. Хоффманом и получившим широкое хождение, в частности у военных, является термин «гибридные войны»; он очень хорошо схватывает ту размытость публичного и частного, государственного и негосударственного, формального и неформального, которая так свойственна новым войнам. Он также используется для обозначения тех конфликтов, для которых характерно смешение разных типов войны (например, войны с применением обычных вооружений, борьбы с повстанцами, гражданской войны), и в этом качестве, возможно, упускает специфическую логику новых войн. Наконец, Мартин Шоу использует термин «вырожденная война», тогда как Джон Мюллер говорит об «обломках войны».

С точки зрения Шоу, тотальные войны XX века неразрывно связаны с характеризующим их геноцидом, и сам термин «вырожденная война» обращает внимание на разложение базовых общенациональных структур – вооруженных сил в особенности. Мюллер полагает, что война вообще (то, что я называю «старыми войнами») пошла на убыль, оставляя вместо себя простой бандитизм, зачастую скрывающийся под маской политического конфликта» [10, с. 30–31]. Наконец, она утверждает, что новые войны происходят «на фоне» глобализации: «Центральное положение моей книги состоит в том, что в последние десятилетия XX века сформирован новый тип организованного насилия (особенно в Африке и в Восточной Европе), ко-

торый представляет собой некий аспект текущей глобализированной эпохи. Этот тип насилия описывается мной как «новая война». Слово «война» я использую, чтобы подчеркнуть политическую природу этого нового типа насилия, даже несмотря на то, что новые войны влекут за собой размывание различий между войной (определяемой обычно как насилие по политическим мотивам между государствами или организованными политическими группами), организованным преступлением (насилие, на которое идут организованные в частном порядке группы ради частных целей, обычно ради финансовой выгоды) и крупномасштабными нарушениями прав человека (насилие, осуществляемое государством или политически организованными группами против частных лиц)» [10, с. 29]. Калдор, вслед за Кревельдом, отмечает, что «контенстом возникновения новых войн является эрозия автономного государства, а в некоторых крайних случаях и дезинтеграция государства. В частности, таким контекстом является эрозия монополии на легитимное организованное насилие» [10, с. 36]. Но специально подчеркивает, что «в противоположность геополитическим или идеологическим целям прежних войн цели новых лежат в области политики идентичности» [10, с. 39].

Итак, кризис суверенного (Калдор говорит об «автономном») государства, глобализация¹, «политика идентичности» – вместе образуют «концептуальный каркас» для понимания «новых войн». И Калдор утверждает, что концептуально же новым войнам следует противопоставить то, что ей самой именуется как «космополитический проект»: «Я хотела особо выделить нарастающую нелегитимность таких войн и необходимость дать на это политический ответ в духе космополитизма – ответ, который в центр любого международного вмешательства (политического, военного, гражданского или экономического) ставит права отдельного человека и принцип верховенства права» [10, с. 32]. По этому поводу уже были заданы необходимые вопросы; например, их задала Д. Эпштейн [32]: «Под чьим патронажем все это будет происходить? Кто этот миротворец, которого она призывает? Кто создает и поддерживает «независимую и надежную судебную систему и активное гражданское общество»? На каком основании?» М. Калдор, отвечая на этот вопрос, последовательно «перечисляет» международные и над-национальные/глобальные организации, начиная с ООН и ее Совета Безопасности, но «действительный» ответ дается ею в главе, посвященной войне в Боснии и Герцоговине

¹ «Новые войны должны быть поняты в контексте процесса, известного как глобализация. Говоря о глобализации, я имею в виду следующее: интенсивно растет и укрепляется глобальная взаимосвязанность (политическая, экономическая, военная и культурная) и вместе с тем меняется природа политической власти» [10, с. 34].

и звучит он так: «Начальное широкомасштабное развертывание войск НАТО и стран «Партнерства ради мира», и последовавшая военная миссия ЕС обернулись далеко идущими последствиями, повлиявшими на роль НАТО, институциональные основы европейской безопасности и то, как мы представляем себе деятельность по поддержанию мира» [10, с. 84]. Есть и более «откровенные» ответы на этот вопрос; например, А. Глюксман в книге «Философия ненависти» [7] пишет о том, что «мы», то есть Запад, в войне в Афганистане должны оказать поддержку противникам талибов потому, что это соответствует «нашим» интересам и нашим ценностям. Глюксмана, учитывая его политический опыт, трудно заподозрить в «восторженности» или «наивности»; его «откровенность» объясняется скорее тем, что во время написания им этой книги (начало 2000-х годов), представлялось окончательно решенным: в мире есть одна военная/политическая сила, бросить вызов которой не может никто, ни по «отдельности», ни «в коалиции». Итак, ответ прочитывается с достаточной ясностью: речь идет о *глобальной империи*.

Идея и реальность современной империи

Г. Мюнклер [21] утверждает, что интерес к «проблеме империи» в последние десятилетия совсем не случаен и обусловлен неким особым «вызовом», исходящим из «современности»; с ним можно согласиться, так полагают слишком многие серьезные исследователи совершенно разных «взглядов» (М. Хардт и А. Негри [24, 25], Д. Лал [15], Н. Фергюссон [33]²), чтобы это мнение можно было просто проигнорировать: приводимые аргументы слишком «весомы».

Известны две «общие теории» организации имперского политического пространства. Первая принадлежит К. Шмитту [29]; в новейшей науке он первым поставил (и решил) проблему организации «больших политических пространств»³. Шмитт считает необходимым ввести понятие «большое пространство»: «Для нас в слове большое пространство выражается изменение представлений о пространстве Земли и самих размеров пространства Земли, которое овладело сегодняшним всемирно-политическим развитием. В то время как «пространство» наряду с различными специфическими значениями сохраняет всеобщий, нейтральный, математико-физический смысл, «большое пространство» является для нас конкретным современным

историко-политическим понятием» [29, с. 483]. Большое политическое пространство и есть империя (по немецки – рейх, *до и без* всех современных аллюзий, связанных с этим словом). Вообще, по Шмитту, *imperiū* «имеет зачастую значение универсалистского, охватывающего мир и человечество, то есть наднационального образования (если и не должно быть, что друг с другом могут иметься многие и разнородные империи)» [29, с. 529]; что же касается рейха, то он «определяется существенно народно и является существенно неуниверсалистическим, правовым порядком на основе уважения каждой народности» [29, с. 529]. Таким образом, определение рейха, предложенное К. Шмиттом, следующее: «Порядок больших пространств входит в понятие рейха. Рейхами в этом смысле являются ведущие и несущие силы, политическая идея коих распространяется в определенном большом пространстве и которые относительно этого большого пространства принципиально исключают интервенцию сил, принадлежащих чужому пространству» [29, с. 527].

В политико-правовом отношении, порядок рейхов предполагает, по Шмитту, четыре основных области/уровня отношений между и внутри них (принципиальное различие внутреннего и внешнего при этом удерживается и постоянно актуализируется): «Явствуют четыре различных способа мыслимых правовых отношений: Во-первых, отношения между большими пространствами в целом, поскольку эти большие пространства, само собой разумеется, не должны быть герметично изолированными блоками, но и между ними происходит экономический и прочий обмен, и в этом смысле имеет место «мировая торговля»; во-вторых, межрейховые отношения между ведущими рейхами этих больших пространств; в-третьих, отношения между народами внутри большого пространства и, наконец, – с оговоркой невмешательства чуждых пространству сил – международные отношения между народами различных больших пространств» [29, с. 545]. Здесь полностью сохраняется суверенитет, различие внутреннего и международного, глобального и локального, то есть все различия, по мнению Калдор, невозможные в «современной ситуации» и для «новой войны», а значит, действительно и понятие войны («старой» и пока единственной).

Эта теория была надолго скомпрометирована известными политическими событиями XX века;

² Н. Фергюссон, например, пишет: «Я уверен, что в XXI в. потребность в империи становится настоятельней, чем когда-либо прежде, так как в настоящее время стала очевидной необходимость в институте, способном вмешиваться в дела «падающих» государств для борьбы с эпидемиями, свержения тиранов, прекращения локальных войн и ликвидации террористических организаций» [33, с. 24].

³ Подробно этот вопрос мы разбираем в работах: «Schmidt's theory of large space» [18], «Кризис государства-нации как проблема политической философии» [17].

опасно было (и до сих пор остается) просто про-износить слово «империя» по-немецки. Мы еще должны специально оговаривать, ввиду особенной чувствительности этой темы, что у Шмитта мы имеем дело с «общим понятием», лишь опосредованно (и весьма) связанным с исторической «действительностью».

Вторая теория империи, которой придерживается Г. Мюнклер [21], настаивает на «сингулярности» и «универсальности» империи: империя может быть только одна. Империи отличаются на национальных государств; Мюнклер даже говорит о «противоречии» между ними, не только на «уровне понятия», но и «практическом», даже «экзистенциальном»: существование империи исключает существование национальных государств (фактически это означает «борьбу», и речь об «исключении» имеет в виду принцип, но не факт): «Империя не имеет соседа, которого бы признала равным себе, а это значит – имеющим те же права; в случае же государства правило строго обратное. Иными словами, государства всегда множественны, империя же, как правило, сингулярна» [21, с. 25]. Империи – это не просто «большие государства»; «они развиваются по собственному закону. Государства связаны порядком, создаваемым ими совместно с другими странами, и поэтому распоряжаться им в одиночку они не могут. Империи, напротив, полагают себя создателями и гарантом порядка, зависящего исключительно от них самих. Этот порядок создается ими для защиты от хаоса, в котором они видят постоянную угрозу, и этот порядок они обязаны защищать» [21, с. 15]⁴.

Именно такая империя возникает/возникла после крушения СССР; ее «ядром» является США (все названные современные авторы, пишущие об империи, сходятся в этом утверждении). Имперский суверенитет предполагает новое понятие войны: именно как «полицейской операции по умиротворению»; по всем признакам это и есть «новая война» (полное описание которой можно найти в названных книгах М. Хардта и А. Негри [24, 25], практически «тождественное» по «фактическому составу» с описанием «новой войны» М. Калдор [10]: различны только *перспективы и оценки*).

Выводы

Первое. Для *понятия* войны релевантна только идея суверена. Остальные «подробности» (технические, технологические, экономические и подобные) – не имеют *в этом отношении* никакого значения. Второе. Зачем нужно такое «формальное понятие», если оно «упускает» бесчисленные под-

робности, связанные с содержанием «новой войны» (именно для того, чтобы удержать возможность понятия от деградации в хаос бесчисленных и противоречивых, всегда «приватных» дискурсов); здесь можно было бы сослаться на слова И. В. Гете: «подробности – бог». В ответ на это, так же «символично» следовало бы напомнить, что «дьявол кроется в деталях»: империя может быть и бывает, как правило, благом в том смысле, что обеспечивает спокойствие, порядок и мир (Римская империя и Римский мир – связаны не случайно) – но в обмен на отказ от суверенитета, то есть от свободы, в строгом соответствии с формулой Т. Гоббса [8] об «обмене свободы на безопасность». Именно этот «простой» и «естественный» результат о решении в пользу империи, *необходимо* скрыть в «деталях» определения «новой войны». Третье. Универсальная империя может «осуществиться» и без всеобщего согласия и договора, на основании бесспорного превосходства в силе, любой – мягкой, «не очень», или прямого насилия (вмешательства, гуманитарные интервенции, умиротворение), совершенно неважно, под каким всегда «благородным предлогом» и с какими «благородными намерениями» это все осуществляется: громких фраз и «морального пафоса» всегда будет в избытке; кстати заметить, что таким образом разрушается «понятие политического» и возобновляется *произвольная* редукция политического к морали (особенно излюбленный либеральный способ), праву (это редко и почти невозможно, разве только как «фраза»), или есть еще «нелиберальный способ редукции» – к эстетике. Четвертое. С «точки зрения империи» следует всегда акцентировать внимание (как это всегда и делается) на том, что «новая война» – гибридная, в которой невозможно провести «различения», о чем так настойчиво пишет М. Калдор, есть результат «смешения», в котором *в конечном счете* и *всегда* отсутствует легитимность и основным «актером» является *преступник*, как бы его не называть, всегда происходит эскалация насилия, которое *требует* умиротворения. Собственно, дискурс «новой войны» и выстроен таким образом, чтобы нелегитимность и преступность, а также *необходимость* «международных усилий по умиротворению под *надлежащим* руководством и в *определенном* направлении» приобрели *наглядность*. Пятое. Наличие силы, имеющей возможность эффективного сопротивления имперскому суверенитету, придает *значение* «партикулярностям» и «идентичностям»; универсальность не осуществляется в этом случае «автоматически»; имперский суверенитет не является тогда «общей идеей» и не может выполнять

³ Подробнее об этом мы пишем в книге: Мальцев К. Г., Мальцева А. В. «Своя смерть» и Русское царство: Философия политики В. В. Розанова» [19].

функцию конститутива для *понятия* «новой войны» «за границами» господства имперской легитимности и идеологии. Это всегда останется *дискурсом*, конкурирующим с *другими дискурсами*; ситуация, в которой предполагается необходимость *решения*, которое имеет свободный и суверенный характер, то есть сохранение действительности понятия «старой войны», понятийность которой нисколько не «затрагивается» новыми способами ее ведения.

Понятие «новой войны» никоим образом не «утвердится как действительное понятие в его радикальной понятийности» до тех пор, пока не будет *решения* относительно имперского суверенитета, отменяющего суверенитет государств; «старая война» останется в качестве «понятия» пока есть государственный суверенитет *наряду с дискурсом/дискурсами* новой войны, претендующими *стать* понятием.

Литература

1. Арендт Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2014. – 148 с.
2. Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011. – 464 с.
3. Арон Р. Мир и война между народами. М.: Nota Bene, 2000. – 880 с.
4. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2010. – № 1. – С. 360–410.
5. Вебер Макс. О некоторых категориях понимающей социологии. / М. Вебер // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – С. 495–546.
6. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
7. Глюксман А. Философия ненависти. – М.: АСТ, 2006. – 284 с.
8. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения в 2-х томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.
9. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике / пер. с нем. Э. А. Бернштейна; под ред. С. Л. Франка. Новая редакция Р. А. Громова. – М.: Академический проект, 2011. – 253 с.
10. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 416 с.
11. Кант И. К вечному миру / И. Кант // Сочинения : в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. – С. 257–310
12. Клаузевиц К. фон. О войне. – М.: Эксмо ; СПб.: Мидгард, 2007. – 861 с.
13. Кревельд М. Расцвет и упадок государства. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 542 с.
14. Кревельд М. Трансформация войны. – М.: ИРИСЭН, 2015. – 318 с.
15. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. – М.: Новое издательство, 2010. – 364 с.
16. Люттвак Э. Стратегия: Логика войны и мира. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017. – 381 с.
17. Мальцев К. Г., Ломако Л. Л. Кризис государства-нации как проблема политической философии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2020. – № 1. – С. 55–64
18. Мальцев К. Г., Ломако Л. Л. Schmidt's theory of large space // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration: international conference. Minzu University of China, Haidian, Beijing, PRC. September 14, 2019. – P. 63–68.
19. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. «Своя смерть» и Русское царство: Философия политики В. В. Розанова. – Белгород: Изд-во НГТУ им. Шухова, 2020. – 214 с.
20. Мюнклер Империи: Логика господства над миром. – М.: Кучково поле, 2015. – 400 с.
21. Мюнклер Г. Осколки войны: эволюция насилия в XX и XXI веках. – М.: Кучково поле, 2018. – 381 с.
22. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1977–78 учебном году. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с.
23. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. – СПб. Наука, 2005. – 312 с.
24. Хардт М., Негри А. Империя. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.
25. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. – М.: Культурная революция, 2006. – 559 с.
26. Шмитт К. Номос Земли. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 674 с.
27. Шмитт К. Политическая теология: Сборник. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 336 с.
28. Шмитт К. Понятие политического. – СПб.: Наука, 2016. – 570 с.
29. Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил / К. Шмитт // Номос Земли в праве народов *publicum eugoraem*. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – С. 479–572.
30. Шмитт К. Теория партизана. – М.: Праксис, 2007. – 301 с.
31. Bodin J. De la republique de Iean Bodin... six livres. – [Genève]: par Gabriel Cartier, 1599. – 1060 p.

32. Elshtain J. B. *New Wars, Old Violence* (Review of a: *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era* by Mary Kaldor; *Crimes of War: What the Public Should Know* by Roy Gutman and David Dieff) // *International Studies Review*. – 2001. – Vol. 3. – No. 1. – P. 141.

33. Ferguson N. *Colossus. The Price of America's Empire*. Bethesda (Md): Austin 2 Ninfield, 2004. – 358 p.

References

1. Arendt, H. (2014) *O nasilii* [On violence]. Moscow: New publishing house, 148 p.
2. Arendt, H. (2011) *O revolyucii* [On revolution]. Moscow: Europe, 464 p.
3. Aron, R. (2000) *Mir i vojna mezhdru narodami* [Peace and War between Nations]. Moscow: Nota Bene, 880 p.
4. Veber, M. (2010) [The «Objectivity» of the Sociological and Social-Political Knowledge]. *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of works from social science disciplines]. Vol. 1, pp. 360–410. (in Russ.).
5. Veber Maks (1990) *O nekotoryh kategoriyah ponimayushchej sociologii* [Some Categories of Interpretive Sociology]. Moscow: Progress, pp. 495–546. (In Russ.).
6. Gegel', G.V.F. (1974) [The Encyclopaedia of the Philosophical Sciences] *Enciklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophy]. Vol.1. Science of Logic Moscow: "Thought", 452 p. (In Russ.).
7. Glyuksman, A. (2006) *Filosofiya nenavisti* [The philosophy of hate]. Moscow: AST, 284 p.
8. Hobbes, T. (1991) *Leviathan, or matter, form and power of a church and civil state* [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civil]. Works in two volumes. Volume 2. Moscow: "Thought", 731 p. (In Russ.).
9. Husserl, E. (2011) *Logicheskie Issledovaniya*. T. I: Prolegomeny k chistoy logike [Logic Research. Vol. I: Prolegomena to pure logic]. Moscow: Akademicheskiiy proekt, 253 p. (In Russ., transl. from German).
10. Kaldor, M. (2015) *Novye i starye vojny: organizovannoe nasilie v global'nyu epohu* [New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era]. Moscow: Publish.house Institute of Gajdar, 416 p.
11. Kant (1966) *K vechnomu miru* [Perpetual Peace: A Philosophical Sketch]. Works in six volumes. Vol. 6. Moscow: "Thought", pp. 257–310 (In Russ.).
12. Carl von Clausewitz. (2007) *O vojne* [On War]. Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Midgard, 861 p.
13. Martin van Creveld (2006) *Rascvet i upadok gosudarstva* [The Rise and Decline of the State]. Moscow: IRISEN, 542 p.
14. Martin van Creveld (2015) *Transformaciya vojny* [The Transformation of War]. Moscow: IRISEN, 318 p.
15. Lal, D. (2010) *Pohvala imperii: Globalizaciya i poryadok* [In Praise of Empires: Globalization and Order]. Moscow: New publishing house, 364 p.
16. Edward N. Luttwak (2017) *Strategiya: Logika vojny i mira* [Strategy: The Logic of War and Peace]. Moscow: Un-tyof Dmitriy Pozharskiy, 381 p.
17. Mal'cev, K. G., Lomako, L. L. (2020) [The crisis of the nation-state as a problem of political philosophy]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University]. Vol. 7, pp. 55–64. (In Russ.).
18. Mal'cev, K. G., Lomako, L. L. (2019) [Schmidt's theory of large space]. Scientific research of the SCO countries: synergy and integration: international conference]. Minzu University of China, Haidian, Beijing, PRC. September 14, pp. 63–68. (In Eng.).
19. Mal'cev, K. G., Mal'ceva, A. V. (2020) «*Svoya smert'*» i *Russkoe carstvo: Filosofiya politiki V. V. Rozanova* ["Your own death" and the Russian Kingdom: V. V. Rozanov's Philosophy of politics]. Belgorod: Publ.house NGTU named after Shuhova, 214 p.
20. Münkler, H. (2015) *Imperii: Logika gospodstva nad mirom* [The Logic of World Domination]. Moscow: Kuchkovo field, 400 p.
21. Münkler, H. (2018) *Oskolki vojny: evolyuciya nasiliya v XX i XXI vekah* [Fragments of war: the evolution of violence in the XX and XXI centuries]. Moscow: Kuchkovo field, 381 p.
22. Foucault, M. (2011) *Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lekcij, pročitannyj v Kollezhe de Frans v 1977–78 uchebnom godu* [Security, Territory, Population: Lectures at the College De France, 1977–78]. St. Petersburg: Science, 544 p.
23. Foucault, M. (2005) *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: Kurs lekcij, pročitannyj v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu*. [Society Must Be Defended: Lectures at the College De France, 1975–76]. St. Petersburg: Science, 312 p.
24. Hardt, M., Negri, A. (2004) *Imperiya* [Empire]. Moscow: Praxis, 440 p.
25. Hardt, M., Negri, A. (2006) *Mnozhestvo: vojna i demokratiya v epohu imperii* [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire]. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya, 559 p.

26. Schmitt, C. (2008) *Nomos Zemli* [The Nomos of the Earth]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 674 p.
27. Schmitt, C. (2000) *Politicheskaya teologiya: Sbornik* [Political Theology]. Moscow: KANON-press-C, 336 p.
28. Schmitt, C. (2016) *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. St. Petersburg: Science, 570 p.
29. Schmitt, C. (2008) *Poryadok bol'shikh prostranstv v prave narodov, s zapretom na intervenciyu dlya chuzhdykh prostranstvu sil* [Grossraum Order of International Law with a Ban on Intervention for Spatially Foreign Powers]. St. Petersburg: Vladimir Dal', pp. 479–572.
30. Schmitt, C. (2007) *Teoriya partizana* [Theory of the Partisan]. Moscow: Praxis, 301 p.
31. Bodin, J. (1599) *De la republique de Jean Bodin... six livres.* – [Genève]: par Gabriel Cartier, 1599. – 1060 p. (In French).
32. Elshtain, J. B. (2001) *New Wars, Old Violence* (Review of a: *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era* by Mary Kaldor; *Crimes of War: What the Public Should Know* by Roy Gutman and David Dieff). *International Studies Review*. Vol. 3, No. 1, 141 p.
33. Ferguson, N. (2004) *Colossus. The Price of America's Empire. Bethesda (Md): Austin 2 Ninfield*, 358 p.

Информация об авторах:

Леонид Леонидович Ломако, старший преподаватель кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова, Белгород, Россия
e-mail: parmenid@bk.ru

Константин Геннадьевич Мальцев, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова, Белгород, Россия
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 31.03.2020; принята в печать: 17.06.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Leonid Leonidovich Lomako, senior lecturer, Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russia
e-mail address: parmenid@bk.ru

Konstantin Gennadievich Maltsev, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russia
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

The paper was submitted: 31.03.2020.

Accepted for publication: 17.06.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.